

М.М. Дунаев

[Николай Ростов]

Николай Ростов подвержен движениям в характере, но его внутренняя изменчивость есть измена тому, что было заложено в нём лучшего и *натурального*.

Жизнь течёт в нём стихийно и естественно. Он не размышляет над проблемами собственного бытия, но принимает и переживает всё с непосредственностью, какая от «дурацкой породы ростовской» перетекла в его натуру и заставляет действовать скорее инстинктом, нежели рассудком. Когда он задумывается над чем-либо поразившим его, то в нём возникают лишь недоуменные вопросы, чаще без ответов, отчего он и не любит никакой внутренней работы ума и души и презирает тех, у кого это слишком заметно проявляется: «В мужчинах Ростов терпеть не мог видеть выражение высшей, духовной жизни (оттого он не любил князя Андрея), он презрительно называл это философией, мечтательностью...». Он руководствуется тем, что автор назвал применительно именно к нему, «здравым смыслом посредственности»; и в силу этой посредственности своей он становится неспособным противостоять, подобно его сестре, Наташе, всем соблазнам и требованиям установлений и правил, сложившихся на уровне недолжного существования, которое вовлекает его в свой поток.

Николай *натурален* и в своей молодой любви к Соне, и в страхе перед смертью, когда он «с чувством зайца, убегающего от собак» мчится по Шенграбенскому полю к спасительным кустам вдали, и в своём хвастовстве перед приятелями, и в своей охотничьей страсти, и в обожании императора Александра... Его жизненные ценности естественны и непреложны для него.

Видение мира у Ростова предельно просто:

«Весь мир был разделён на два неровные отдела: один — наш Павлоградский полк, и другой — всё остальное. И до этого остального не было никакого дела. В полку всё было известно: кто был поручик, кто ротмистр, кто хороший, кто дурной человек, и главное — товарищ. Маркитант верит в долг, жалование получается в треть; выдумывать и выбирать нечего, только не делай ничего такого, что считается дурным в Павлоградском полку; а пошлют, делай то, что ясно и отчётливо определено и приказано, — и всё будет хорошо».

Первым испытанием для Николая становится история с воров Теляниным, против которого естественное внутреннее движение в Ростове оборачивается негодованием. Но ему очень быстро объясняют, что нельзя выносить сор из избы, что кроме естественных чувств есть ещё сложившиеся и важные для всех ценности, такие как честь мундира, честь полка, и чувства свои должно подчинить этим небезразличным для всех ценностям. Честь мундира — понятие уровня фальшивых и ложных ценностей, но Ростов, при всей его искренности и честности, не может противиться всеобщему искажённому взгляду на вещи. Ростов — заурядный конформист, всегда подчиняющий свою индивидуальность общепринятым воззрениям на мир.

То, что честь полка есть ценность фальшивая, Ростову приходится узнать весьма скоро: избежавший суда вор Телянин с ещё большим успехом обкрадывает уже весь полк, его голодных солдат, пристроившись на тёплом интендантском местечке.

Давший волю рукам Денисов восстанавливает справедливость, как она понимается на уровне естественных понятий, как она понимается и Ростовым. Но Денисов нарушает закон — и император Александр, идеал справедливости в глазах Николая, отказывается разрешить это противоречие в пользу справедливости.

«Не могу, ... и потому не могу, что закон сильнее меня», — так говорит Александр, только что, во время Тильзитской встречи с Наполеоном, нарушивший и закон и справедливость. Ведь совсем недавно Наполеон объявлялся узурпатором и преступником,

антихристом даже, и благоверный Государь Александр воевал с ним именно ради восстановления поправленного закона и справедливости. Но вот вчерашний антихрист становится братом и союзником, законным императором Франции — идёт недостойная игра фальшивых людей, для которых нет и не может быть неизменных правил этой игры. И Ростов, не могущий уложить это всё в своём сознании и примирить с совестью, оказывается перед страшным выбором: либо принять эту игру, подавив возражения совести, либо сознать лживую сущность своего обожаемого кумира. Ведь если вчера была непримиримая вражда, а сегодня объятия под приветственные крики войска — то для чего все жертвы, страдания, для чего смерть при этой нелепой и недостойной игре?

«Ростов долго стоял у угла, издали глядя на пирующих. В уме его происходила мучительная работа, которую он никак не мог довести до конца. В душе поднимались страшные сомнения. То ему вспоминался Денисов с своим изменившимся выражением, с своею покорностью и весь госпиталь с этими оторванными руками и ногами, с этой грязью и болезнями. Ему так живо казалось, что он теперь чувствует этот больничный запах мёртвого тела, что он оглядывался, чтобы понять, откуда мог происходить этот запах. То ему вспоминался этот самодовольный Бонапарте с своей белой ручкой, который был теперь император, которого любит и уважает император Александр. Для чего же оторванные руки, ноги, убитые люди? То вспоминался ему награждённый Лазарев и Денисов, наказанный и непрощённый. Он заставлял себя на таких странных мыслях, что пугался их».

Николай выходит из тупика ценою отказа от самого себя:

«— И как вы можете судить, что было бы лучше! — закричал он с лицом, вдруг налившимся кровью. — Как вы можете судить о поступках Государя, какое мы имеем право рассуждать?! Мы не можем понять ни цели, ни поступков Государя! ...Мы не чиновники дипломатические, а мы солдаты, и больше ничего, — продолжал он. — Велят нам умирать — так умирать. А коли наказывают, так значит — виноват; не нам судить. Угодно Государю Императору признать Бонапарте императором и заключить с ним союз — значит так надо. А то коли бы мы стали обо всём этом судить да рассуждать, так этак ничего святого не останется. Этак мы скажем, что ни Бога нет, ничего нет, — ударяя по столу, кричал Николай весьма некстати, по понятиям своих собеседников, но весьма последовательно по ходу своих мыслей.

— Наше дело исполнять свой долг, рубиться и не думать, вот и всё, — заключил он».

Весьма замечателен этот последний вывод Николая Ростова о возможности отрицания бытия Божия — на основе сомнения в установившемся порядке вещей. Он чутко сознал: сомнения в одной из ценностей этого порядка могут обрушить всю сложившуюся систему миропонимания, вплоть до самых основ. И он ясно ощутил: у него не достанет сил выкарабкаться из-под могущих завалить его обломков прежде стройного миропорядка.

Это отразило и характер и степень религиозности Ростова: если религиозное чувство в Наташе, князе Андрее, княжне Марье, Пьере — глубоко и серьёзно, и побеждает оттого все сомнения и одолевает все соблазны, то Николай и в обращении к Богу не выходит из простейших душевных эмоций, порою подчиняя молитву мелкой, хотя захватывающей его целиком страсти. Так он переживает свой охотничий азарт:

«Надежда сменялась отчаянием. Несколько раз он обращался к Богу с мольбой о том, чтобы волк вышел на него; он молился с тем страстным и совестливым чувством, с которым молятся люди в минуты сильного волнения, зависящего от ничтожной причины. “Ну, что Тебе стоит, — говорил он Богу, — сделать это для меня! Знаю, что Ты велик и что грех Тебя просить об этом; но, ради Бога, сделай, чтобы на меня вылез матёрый и чтобы Карай, на глазах дядюшки, который вон оттуда смотрит, впился ему мёртвой хваткой в горло”».

Тут скорее языческая, нежели христианская молитва.

Хотя на подлинную молитву он всё же оказывается способен, но по переимчивости своей натуры он воспринимает молитвенное чувство извне, при виде молящейся княжны Марьи, а не рождает его из души своей непосредственно:

«Как она молилась! вспомнил он. – Видно было, что вся душа её была в молитве. Да, это та молитва, которая сдвигает горы, и я уверен, что молитва её будет исполнена. Отчего я не молюсь о том, что мне нужно? – вспомнил он. – Что мне нужно? Свободы, развязки с Соней. Она правду говорила, – вспомнил он слова губернаторши, – кроме несчастья, ничего не будет из того, что я женюсь на ней. Путаница, горе татап... дела... путаница, страшная путаница! Да я и не люблю её. Да, не так люблю, как надо. Боже мой! выведи меня из этого ужасного, безвыходного положения! – начал он вдруг молиться. – Да, молитва сдвинет гору, но надо верить и не надо молиться так, как мы детьми молились с Наташей о том, чтобы снег сделался сахаром, и выбегали на двор пробовать, делается ли из снега сахар. Нет, но я не о пустяках молюсь теперь», – сказал он, ставя в угол трубку и, сложив руки, становясь перед образом. И, умиленный воспоминанием о княжне Марье, он начал молиться так, как он давно не молился».

И вот чудо: молитва его мгновенно исполняется: она ещё не закончилась, а уже входит денщик Лаврушка и приносит письмо Сони, в котором та возвращает прежде данное им слово жениться на ней. Бесмысленны споры литературоведов, оправдано ли художественно явление чуда в ответ на молитву: чудо не требует никаких мотивировок и оправданий, ибо оно совершается Промыслом Божиим. Но осмыслить это действие Промысла необходимо.

По отношению к Соне Николай совершает явное предательство. Он бессознательно подчиняется той игре, в которую вовлечён материальными интересами семьи. Вникать в свои внутренние душевные движения он не хочет и не может. Он вообще ни о чём предпочитает не думать. Так он ведёт себя по отношению к историческому событию:

«Ежели бы у него спросили, что он думает о теперешнем положении России, он бы сказал, что ему думать нечего, что на то есть Кутузов и другие, а что он слышал, что комплектуются полки, и что, должно быть, драться ещё долго будут, и что при теперешних обстоятельствах ему немудрено года через два получить полк».

Так он ведёт себя и по отношению к Соне: он отказывается думать и подчиняется, как всякий конформист, потоку внешних мнений и действий (и недаром Толстой напоминает при этом его тильзитскую измену себе):

«Как в Тильзите Ростов не позволил себе усомниться в том, хорошо ли то, что признано всеми хорошим, точно так же и теперь, после короткой, но искренней борьбы между попыткой устроить свою жизнь по своему разуму и смиренным подчинением обстоятельствам, он выбрал последнее и представил себя той власти, которая его (он чувствовал) непреодолимо влекла куда-то. Он знал, что, обещав Соне, высказать свои чувства княжне Марье было бы то, что он называл подлостью. И он знал, что подлости никогда не сделает. Но он знал тоже (и не то, что знал, а в глубине души чувствовал), что, отдавшись теперь во власть обстоятельств и людей, руководивших им, он не только не делает ничего дурного, но делает что-то очень, очень важное, такое важное, чего он ещё никогда не делал в жизни».

Вот начинает действовать высшая воля, по отношению к которой окружающие Николая являются лишь исполнителями, — начинается действие закона «не нашим умом, а Божьим судом», и отказ Николая от попытки устроить свою жизнь по своему разуму становится лишь следованием этому закону. Но не хватает лишь собственного внутреннего усилия к приятию воли Божией — и оно совершается в его молитве.

На что же направлена воля Божия? Как и всегда, Промыслом создаются условия, которые наиболее благоприятны для дела спасения. Николай Ростов слишком бездуховен, и ему потребна поддержка в его внутренней жизни — такую поддержку может дать княжна Марья, но на неё не способна Соня.

Соню точно характеризует Наташа, как всегда чуткая ко всему, в разговоре с графиней Марьей:

«— Знаешь что, – сказала Наташа, – вот ты много читала Евангелие; там есть одно место прямо о Соне.

— Что? – с удивлением спросила графиня Марья.

— “Имущему дастся, а у неимущего отнимется”, помнишь? Она – неимущий: за что? не знаю; в ней нет, может быть, эгоизма, — я не знаю, но у неё отнимется, и всё отнялось. Мне её ужасно жалко иногда; я ужасно желала прежде, чтобы Nicolas женился на ней; но я всегда как бы предчувствовала, что этого не будет. Она *пустоцвет*, знаешь, как на клубнике? Иногда мне её жалко, а иногда я думаю, что она не чувствует этого, как чувствовали бы мы.

И несмотря на то, что графиня Марья толковала Наташе, что эти слова Евангелия надо понимать иначе, — глядя на Соню, она соглашалась с объяснением, данным Наташей. Действительно, казалось, что Соня не тяготится своим положением и совершенно примирилась с своим назначением *пустоцвета*.

В период своей семейной жизни Николай несёт в себе явственную двойственность, определяемую, с одной стороны, его собственной натурой, а с другой — невидимым влиянием духовно глубокой графини Марьи.

Он, как и прежде, погружён в стихию конформизма, предпочитает не рассуждать в затруднительных ситуациях.

«...Я тебе скажу, — объявляет он Пьеру, — что ты лучший мой друг, ты это знаешь, но, составь вы тайное общество, начни вы противодействовать правительству, какое бы оно ни было, я знаю, что мой долг повиноваться ему. И вели мне сейчас Аракчеев идти на вас с эскадроном и рубить — ни на секунду не задумаюсь и пойду. А там суди, как хочешь».

И в таких слова, несмотря на весь ужасный их смысл, есть внутренняя правота, ибо за этим отказом действовать своим умом укрывается бессознательное обращение к Божьему суду. Как и вообще в отказе Николая от собственного рассуждения и готовности принять всё, идущее извне.

В житейских действиях своих Ростов подчиняет себя исключительной заботе о *сокровищах на земле*, существует в мире мирских забот и стремлений, удачно хозяйствует — и даже не догадывается о скрытой печали жены:

«Графине Марье хотелось сказать ему, что не о едином хлебе сыт будет человек, что он слишком много приписывает важности этим *делам*; но она знала, что этого говорить не нужно и бесполезно».

Николай живёт в мире для него простом, наполненным сугубо земными интересами и радостями, — и счастлив.

Но: это единственный из персонажей эпопеи, с которым читатель расстаётся в момент чтения привычных для него молитв.

Вместе с тем: недаром же во сне Николеньки Болконского Николай представляется мальчику враждебным началом. «Я любил вас, но Аракчеев велел мне, и я убью первого, кто двинется вперёд». Любил, но убью...

Любовь — основа мира — готова превратиться во вражду — начало войны.

Образ Николая Ростова отличается тою же амбивалентностью, какая присуща мирословию «Войны и мира» в целом.